

БОГАТСТВО И ЮНОСТЬ ИСКУССТВА

РУБРИКА «В мире прекрасного» стала постоянной гостьей многих газетных полос. Она значится и на обложках многих популярных брошюр. Правда, в большинстве случаев авторы предпочитают ограничиваться истолкованием одного, в крайнем случае, нескольких признанных шедевров. Что же, это и закономерно, и нужно. Но как не хватает нам таких своеобразных путеводителей по искусству, которые без нудного теоретизирования подводили бы читателя именно к вопросам теоретическим. Не только снабжали его некоей суммой познаний, но будили бы жажду знаний, стремление вдмываться в, казалось бы, самоочевидное и ясное,

А. Арго. «Звучит слово...». Очерки и воспоминания. Государственное издательство детской литературы. М. 1962.

учили умению раскрывать новое и незнаемое в будто бы известном до предела. Ведь только в последнем случае и возникает высшее, двойное наслаждение искусством: и непосредственное созерцание, «впитывание» его образов, и неотделимый от этого анализ, делающий нас действительно сопричастными высокому акту художественного творчества, художественного познания жизни.

Небольшая (к сожалению, небольшая!) книга А. Арго «Звучит слово...» принадлежит именно к таким произведениям. Вышла она в серии «В мире прекрасного», выпускаемой издательством детской литературы. Предназначена для школьников старшего возраста. Имеет подзаголовок «Очерки и воспоминания», словно бы предупреждающий: никаких «покушений» на теорию здесь не содержится... И впрямь здесь, пожалуй, преобладают воспоминания об актерах, чтецах, поэтах, а не строго, логично развивающие вопрос очерки. Да, в целой вселенной прекрасного проблема «звучащего слова», вероятно, занимает не столь уж главенствующее место. Но удача автора, удача принципиальная как раз в том, что, раскрывая истину почти банальную («можно одно слово произносить по-разному»), он ненавязчиво, исподволь подводит читателя к проблеме без преувеличения важнейшей, волнующей сегодня и теоретически, и практически. Речь идет о неисчерпаемом разнообразии, неизмеримом, как жизнь, богатстве искусства, о вечной юности его давних, но подлинных творений.

А. Арго избегает отвлеченных изысканий: почему были так непохожи, скажем, Хлестаков в исполнении Степана Кузнецова и Хлестаков Михаила Чехова, классическая трактовка горьковского «На дне» в Художественном театре и режиссерское решение пьесы Ф. Н. Кавериним в 30-е годы; новаторство чтеца Александра Закушняка и открытия «Человека-Театра» Владимира Яхонтова. Но он умеет так сжато, четко, пластично описать различные исполнения одних и тех же ролей и произведений, разные творческие манеры в одном и том же жанре, что за всем этим явственно ощущаются новые, непохожие пласты жизни, раскрытые мощными индивидуальностями художников. Завидный дар! Тем более убеждающий, что Арго, нигде не выдвигая наперед свои субъективные впечат-

ления (частый грех мемуаристов!), как-то неуловимо создает атмосферу непосредственного, сиюминутного переживания очевидца.

Но есть в этой непосредственности, я бы сказала, трепетности восприятия и описаний, воспроизведенных будто бы немедленно, под свежим впечатлением, одна опасность, которую А. Арго не всегда преодолевает. Да, когда мы становимся зрителями, свидетелями творчества гения, трудно поверять алгеброй гармонии. Однако вправде ли автор книги отказываться от этой проверки из боязни развязать музыку?

Арго превосходно показывает, как Сандро Моисси в роли Федора Протасова играл Иисуса Христа, что совершенно противоречило трактовке толстовского героя замечательным русским актером Москвиным. Свое очень яркое описание он завершает так: «Остается задать вопрос: что же больше соответствует замыслу Толстого—тот ли вечный русский интеллигент, прямой потомок всех «лишних людей» русской литературы от Онегина и Рудина до чеховских героев, или этот отрешенный от мира, вдохновенный и озаренный изнутри человек? Моисси играл гениально и убедительно. Значит, и в этой трактовке была своя правда».

А. Арго не ушел от вопроса, которого нельзя избежать, если не учить вкусовщине в искусстве,— вопроса «актер и драматург». Но ответить на него отказался. Я вовсе не призываю автора раздавать великим артистам отметки, безапелляционно судить, кто «лучше» или «хуже» — Москвин или Моисси. Пора и «старшему возрасту» (в кавычках и без кавычек) избавляться от школярской системы суждений. И, однако же, границы сотворчества актера с драматургом есть. И установлены они не только писателями, но и самой жизнью, ими изображенной.

Вот почему и надо, мне кажется, в таких случаях до конца разбирать обоснованность действительностью и пьесой даже самых гениальных по исполнению актерских решений. Это научит читателя отличать воспетую еще Белинским страстную субъективность, без которой нет оригинального художника, от субъективизма.

И это вовсе не противоречит теме книги А. Арго, которую он сам определяет, как богатство и разнообразие творческого опыта, счастливые находки при воплощении обра-

зов литературы классической и современной, показ нового, неизведанного в старом, давно известном.

Кстати, думаю, что это авторское определение далеко не охватывает содержания книги «Звучит слово...». Я вижу ее достоинство и в том, что она без всяких широковещательных деклараций воспитывает уважение к художественной интеллигенции, к людям искусства, борется с, увы, еще живучими мещанско-опасливыми представлениями о них—то ли как о манерничавших бездельниках, то ли как о бряжущих снобах. Прочитайте воспоминания—портрет Валерия Брюсова. Арго говорит лишь о Брюсове-импровизаторе и честно признается, что в начале 20-х годов молодые поэты смотрели на вечера импровизаций, мастером и любителем которых был Брюсов, лишь как на забаву, интересную игру. А для Брюсова—мы это отлично ощущаем в зарисовках Арго!—«игра» перерастала в высокое проявление всех творческих сил человека, в работу, исполненную мощи, разума, страсти.

Это был пример отношения к литературному труду и к труду вообще. Пусть нет в двух страничках, посвященных А. В. Луначарскому, каких-либо особо оригинальных, доселе неизвестных дополнений к портрету этого выдающегося деятеля нашей культуры. Но слова А. Арго: «Это был настоящий гуманист, человек нового, советского Возрождения»—удачно раскрыты и в тех небольших, частных эпизодах, о которых вспоминает писатель.

Книга Арго повтому интересна, и своей нравственной, этической стороной она помогает не только образовывать, но и воспитывать молодого человека.

Толстой на склоне своих лет писал: «Художник для того, чтобы действовать на других, должен быть ищущим, чтоб его произведение было исканием. Если он все нашел и все знает и учит, или нарочно потешает, он не действует. Только если он ищет, зритель, слушатель, читатель сливается с ним в поисках».

Вот о таких-то художниках рассказывает А. Арго. А слова Толстого, думаю, относятся не только к искусству, но и к критике—хорошей, по крайней мере. Кажется, что в книге «Звучит слово...» этот совет Толстого учтен автором. Читателю надо доверять!

Н. СМОЛЦКАЯ